

opusdei.org

**Очень человеческие,
очень
божественные
(XVIII): внутренняя
свобода, или
радость быть тем,
кто ты есть**

Только та свобода, которую даёт нам любовь Божья – залог нашей уникальности, радости и неколебимости.

28.03.2026

Слава Иисуса распространялась по всей Галилее. Он был учителем, отличным от других: Он говорил с авторитетом и Его слова впечатляли... даже бесов. После проповеди в разных местах «Он пришел в Назарет, где вырос» (Лк 4,16). Святой Лука помещает эту сцену в начало общественной жизни Иисуса. Этот рассказ настолько насыщен, что его можно рассматривать как «Евангелие в Евангелии»: в нескольких строках не только торжественно открывается миссия Господа, но и в некотором роде обобщается вся Его жизнь^[1]. Иисус идет в синагогу и встает, чтобы прочесть отрывок из Писания. Ему подают свиток пророка Исаии; «развернув его, Он нашел место, где было написано: “Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем,

проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное”». Затем Он снова свернул свиток и сел. «И глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк 4,17-21).

Иисус недвусмысленно представляет Себя как Мессию, и делает это с помощью текста, который подчеркивает дар свободы. Именно это Он пришел дать нам; Он пришел освободить нас из плена и угнетения греха.

Свобода: первые христиане осознавали, что этот дар находится в центре их веры, и поэтому святой Павел сделает его постоянной темой своих писем. Иисус освобождает нас от бремени греха и смерти, от слепой судьбы, которая тяготела над языческими

религиями, от беспорядочных страстей и всего того, что делает жизнь человека на земле несчастной. Однако свобода – это не только дар, но и задача. Как пишет апостол язычников: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал 5,1). Поэтому необходимо беречь свободу, жить на высоте этого дара и не поддаваться снова легкости рабства. Первые христиане были глубоко убеждены в этом, а как насчет нас? Многие из нас были крещены в младенчестве. Что могут означать для нас слова Исаии, которые процитировал Господь в Назарете? И что означает призыв, о котором говорит святой Павел – жить в свободе, не подчиняясь рабству?

Если бы дело было только в возможности выбора

Говоря о свободе, мы часто думаем о простом состоянии, качестве наших действий: я действую свободно, когда могу делать то, что хочу, без принуждения или ограничений со стороны других. Это ощущение свободы, которое мы испытываем, когда можем выбирать самостоятельно. В случае вопроса, например: «Вы будете есть шоколадный торт или фрукты?», более свободным кажется тот, кто может выбрать любое из двух и выбирает то, что предпочитает, по той причине, которую считает наиболее подходящей. Человек, страдающий диабетом, напротив, вынужден заказать фрукты. В этом конкретном смысле более свободным является тот, кто может выбирать больше: тот, у кого больше альтернатив и меньше факторов, определяющих его выбор в одну сторону. Вот почему наличие денег дает

большое чувство свободы: открывается много возможностей, которые недоступны тем, кто их не имеет. Также отсутствие обязательств дает большое чувство свободы, поскольку, по-видимому, нет ничего, что диктовало бы или ограничивало собственные решения.

Конечно, отсутствие принуждения является частью свободы, но не исчерпывает ее. Фактически, некоторые из образцов свободы, которые встречаются в истории, жили за решеткой. Пример Томаса Мора в лондонском Тауэре является типичным. С точки зрения возможности выбора, он не был свободен вовсе; и тем не менее... То же самое относится к более поздним деятелям или к первым мученикам. Любая форма преследования является попыткой покончить со свободой, но нет никакого чисто внешнего способа

достичь этого. Поэтому Иисус говорит: «Не бойтесь тех, кто убивает тело, но не может убить душу» (Мф 10,28). Свобода – это не просто состояние, но способность принимать решения – или выбирать определенный тип поведения – в самой глубине нашего существа, вне зависимости от того, что диктуют обстоятельства, в которых мы живем.

С другой стороны, свобода, которую мы испытываем в наших индивидуальных выборах, обычно имеет довольно ограниченный охват. Когда мы думаем о людях, которые вошли в историю благодаря тому, как они сохраняли свою свободу, это не то, что обычно выделяется. Мы можем мысленно перечислить трех или четырех человек – известных всему миру или просто близких нам, – которых мы

считаем образцами свободы. Что выделяется в их жизни? Что делает их образцами для нас? Наверняка мы не восхищаемся ими за то, что они всегда могли выбирать, какую еду предпочитают, или потому что, чтобы иметь возможность менять партнеров, когда им вздумается, они никогда не вступали в брак. Речь скорее идет о людях, которые освободились от всего, что могло их связывать, чтобы полностью посвятить себя какой-то (ценной) цели или кому-то; чтобы отдать всю свою жизнь. И они являются примерами свободы именно потому, что доводят эту преданность до конца. Если бы Томас Мор поклялся в верности Генриху VIII против своей совести, даже если бы он сделал это добровольно, он не вошел бы в историю так, как это произошло. Если бы святой Павел, вместо того чтобы стремиться проповедовать

Христа до самой смерти, решил отказаться от своего призвания и вернуться к профессии ткача палаток, даже если бы он сделал это добровольно, он не казался бы нам образцом свободы. Поэтому, чтобы глубоко понять свободу, необходимо выйти за рамки простой способности выбирать.

Сокровище, за которое можно отдать жизнь

Евангелие рассказывает нам об опыте свободы, который заключается именно в отказе от любой возможности выбора: «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел

и продал всё, что имел, и купил ее» (Мф 13,44-46). Герои этих коротких притч отказываются от *всего* ради чего-то стоящего. Они отказываются от выбора, полностью посвящают себя чему-то и не считают, что отказываются от своей свободы, наоборот, используют ее наилучшим образом. На самом деле, это опыт любого влюбленного человека. Ему не важно, что он не может встречаться с другими людьми: он отдал все той, которую любит; он только хочет любить ее и влюбляться в нее с каждым днем все больше. И ему не кажется, что таким образом он теряет свою свободу: напротив, он понимает, что не может сделать ничего лучшего со своей свободой, чем любить этого человека, это сокровище, эту бесценную жемчужину.

Уже одно только это соображение позволяет понять, что свобода выбора, хотя и являясь одним из аспектов свободы, подчиняется другому, более глубокому аспекту: свободе любить что-то (или кого-то). Этот другой аспект можно было бы назвать свободой присоединения. Это свобода, которую мы реализуем, когда любим, и которая позволяет понять, что «Свобода и самопожертвование не противоречат друг другу. Они друг друга дополняют»^[2]. Отдавая всю свою жизнь, мы не теряем свободу, а живем более интенсивно: «в каждый момент добровольного самопожертвования свободы любовь обновляется, а обновление – это то вечно существующее, которое всегда юно, благородно, самоотверженно, способно стремиться к высоким идеалам и идти ради них на великие

жертвы»^[3]. Когда после напряженного дня у нас остается только немного свободного времени в конце дня и, осознавая, что мы еще не посвятили время молитве, мы решаем сделать это вместо того, чтобы отдыхать, смотря новости, мы используем нашу свободу в смысле, который поддерживает нашу преданность; ключ, который решает эту дилемму, не создавая конфликтов, снова заключается в любви. Точно так же мать семьи, заботясь из любви о больном ребенке, который меняет ее планы, делает это совершенно свободно, и эта преданность дает ей радость, которую она не получила бы, делая то, что ей хотелось или что было для нее более удобно в тот момент.

Но мы можем пойти еще дальше. Когда мы принимаем что-то (или кого-то) всей своей жизнью, эта

любовь формирует нас, делает нас все более «самими собой»: уникальными личностями с именем и фамилией. Например, мать Тереза. Представим на мгновение, что ей предложили бы виллу, чтобы она могла спокойно провести последние годы своей жизни, и НКО, которая бы занималась бедными, о которых она заботилась. Что бы она ответила? Свобода, с которой она жила, заключалась не в том, чтобы бросить все и уйти на покой, а именно в том, чтобы всей своей жизнью принять добро – Христа, присутствующего в самых бедных – и, в свою очередь, избавиться от всего, что мешало этому идеалу.

На самом деле, мы легко могли бы найти подобные примеры в жизни многих других святых. В любом случае, их двигал желание быть верными Любви, которой

они посвятили всю свою жизнь;
ответить на призыв, который
послал их в мир с миссией,
которая определяла их жизнь. Мы
можем вспомнить, например, что
наш Отец писал в 1932 году:
«Перед мной два пути: учиться,
получить профессорскую
должность и стать ученым. Все
это мне нравится, и я считаю это
возможным. Второй путь:
пожертвовать своими амбициями
и даже благородным стремлением
к знаниям, довольствуясь тем, что
я буду скромным, но не
невежественным. Мой путь –
второй: Бог хочет, чтобы я был
святым, и хочет меня для Его
Дела»^[4]. Это то, что можно назвать
внутренней свободой: источник,
который объясняет, что мои
действия не являются ответом ни
на прихоть момента, ни на
внешние предписания, ни даже на
холодную объективную ценность
вещей, а на то сокровище, за

которым я отдал все: Любовь, которая пришла за мной и призывает меня следовать за ней. Исходя из этого призыва, гораздо лучше, чем из ряда внешних обязательств, можно понять безумства святых.

Конечно, действовать с внутренней свободой не означает, что нам ничего не дается с трудом. В повседневной жизни прелат часто вспоминал слова святого Хосемарии: «Нельзя думать, что с радостью можно делать только ту работу, которая нам нравится»^[5]. Комментируя эту фразу, он писал: «Можно с радостью – а не с неохотой – делать то, что дается с трудом, что не нравится, если это делается из любви и с любовью, а значит, свободно»^[6]. Это делается с полной свободой, потому что мы понимаем, что это соответствует любви, которую мы несем в сердце. Другими словами, может

быть, сегодня у меня нет особого желания, может быть, я не до конца понимаю, почему я должен делать именно это... но я делаю это, потому что знаю, что это часть любви, которую я принял в свою жизнь, и в той же мере я способен любить это. Когда я поступаю таким образом, я делаю это не автоматически или просто потому, что «так нужно», а «из любви и с любовью», по собственной воле. Со временем то, что я сейчас делаю против своей воли, движимый любовью к тому, кому я посвятил свою жизнь, обретет свой глубокий смысл. «Воспринимать свое призвание как дар Божий, а не как простой набор обязанностей, даже когда мы страдаем, также является проявлением свободы духа»^[7].

Свобода как ответ

В своем понимании свободы значительная часть современной культуры зачастую не способна видеть дальше возможности выбора в каждый момент без какого-либо принуждения или детерминации: кажется, что, если это ставится под сомнение, свобода исчезает. Однако факт остается фактом: выбор одной вещи часто означает отказ от других; желание не всегда означает возможность, и то, что нам кажется твердым планом, может легко потерпеть крах. Христианская антропология предлагает гораздо более гармоничное и спокойное отношение к свободе, поскольку понимает ее как *дар* и *призвание*. Мы были «призваны к свободе» (Гал 5,13); и не к аморфной или бессмысленной свободе, а к «свободе славы детей Божьих» (Рим 8,21). Истина нашего богосыновства делает нас

свободными (ср. Ин 8,31-32).
Поэтому наша свобода не является спонтанной деятельностью, которая возникает, не зная откуда и куда. Наша свобода в своем глубочайшем измерении является ответом на Любовь, которая предшествует нам. Отсюда святой Хосемария мог описать внутреннюю жизнь, в том, что она является борьбой, как действие «потому что нам хочется (...) ответить на благодать Господа»^[8]. Мы свободно обнимаем Того, Кто «первым возлюбил нас» (ср. 1 Ин 4,19), и стараемся изо всех сил ответить на эту любовь. И это, что может показаться чем-то абстрактным, на самом деле имеет некоторые очень конкретные последствия. Например, перед различными выборами, которые мы делаем каждый день, мы могли бы спросить себя: «Я собираюсь сделать это, но куда это меня

приведет? Соответствует ли это любви Бога, моему статусу сына?»

С другой стороны, когда мы живем свободой как ответом, мы обнаруживаем, что нет более мощного двигателя в нашей жизни, чем поддержание живой памяти о Любви, которая нас призывает. То же самое и на человеческом уровне: нет большей силы для любого человека, чем осознание того, что он любим. Как влюбленная, которая знает, что ее возлюбленный рассчитывает на нее: «Голос моего возлюбленного! Он уже здесь, он уже бежит по горам, прыгает по холмам (...). Смотрите, он за нашей стеной. Он смотрит в окна, подглядывает через решетки. (...) Встань, пойдди, возлюбленная моя, прекрасная моя, пойдди! Зима прошла, дожди прекратились, ушли» (Пс 2,8-11). Тот, кто знает, что Бог любит его

так и призывает зажечь весь мир Своей Любовью, готов на всё, что потребуется. Всё кажется ему малым по сравнению с тем, что он получил; он скажет себе, как нечто само собой разумеющееся: «Мало, мало одной жизни, которую мы отдаем Богу!»^[9].

Осознание того, что «Бог ждет нас в каждом человеке (ср. Мф 25,40) и что Он хочет присутствовать в их жизни также через нас, побуждает нас стремиться отдать с избытком то, что мы получили. И в нашей жизни, мои дочери и сыновья, мы получили и получаем много любви. Отдать ее Богу и другим людям – это самый подлинный акт свободы»^[10].

Ни страх, ни внешний приказ не могут тронуть сердце так, как сила свободы, которая отождествляется с Его Любовью, вплоть до мельчайших деталей. Святой Павел говорил об этом с

убеждением человека, который глубоко прожил это: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8,38-39). Логично, что для того, чтобы любовь Бога имела такую силу в нас, нам нужно культивировать глубокую близость с Ним, в первую очередь в молитве. Там, созерцая Господа, мы учимся пути свободы, и там же мы открываем свое сердце преобразующему действию Святого Духа.

То, что истинная свобода принимает форму ответа, большого «да», также связано с частью наследия, которое святой Хосемария хотел оставить своим детям: хорошее настроение^[11].

Речь идет не просто о черте характера, но о подлинной силе – virtus – свободы. Если бы жизнь христиан основывалась на этическом решении, на борьбе за воплощение идеи, почти все они в конечном итоге испытывали бы усталость, уныние или разочарование. Не все, потому что есть более сильные темпераменты, которые даже чувствуют себя воодушевленными, когда вынуждены плыть против течения, но почти все. Однако ситуация совсем иная, если христианская жизнь берет свое начало во встрече с Личностью, которая пришла нас искать^[12]. Этот источник поддерживает нас, когда мы стремимся к цели со всеми своими силами, какими бы незначительными они ни казались: «Не то чтобы я уже достиг этого или уже стал совершенным: я стремлюсь к

этому, чтобы достичь того же, что и Христос достиг меня» (Флп 3,12). Это Он достиг нас, Он обратил на нас внимание, Он поверил в нас. Поэтому, если мы ощущаем свою малость, свою нищету, глину – гумус, из которого мы созданы, – наш ответ будет столь же скромным, сколь и полным юмора: мы ответим взглядом, который «выходит за рамки простого естественного характера и позволяет увидеть положительную – и, в случае необходимости, забавную – сторону вещей и ситуаций»^[13]. Конечно, мы из глины; если в какой-то момент мы пытались взлететь, то не потому, что утратили это из виду, а потому, что есть Кто-то, Кто знает нас лучше, чем мы сами, и приглашает нас сделать этот шаг.

Очень красивым и забавным является диалог пророка Иеремии

с Господом (Иер 1,5-8). Немногие пророки страдали так же сильно, как он, за то, что проповедовали слово Божье среди своего народа. Инициатива исходила от Бога: «Еще прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я избрал тебя; прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя; пророком для народов поставил тебя». Иеремия, со своей стороны, кажется, не видит ничего, кроме своей несостоятельности: «Я ответил: о, Господи, Боже мой! Я не умею говорить, я еще ребенок». Но Бог не сдаётся: «Не говори, что ты ребенок, ибо ты пойдешь туда, куда Я пошлю тебя, и скажешь то, что Я повелю тебе». Как пророк сможет идти вперед? В чем будет его уверенность? В полученном повелении? Гораздо больше, чем в этом: «Не бойся их, ибо Я с тобой, чтобы избавить тебя». Иногда самым страшным врагом нашей свободы являемся мы сами,

особенно когда теряем из виду истинную основу нашего существования.

В конце концов, удивительно не то, что мы слабы и падаем, а то, что, будучи слабыми, мы продолжаем подниматься; что в наших сердцах по-прежнему есть место для мечтаний о Боге. Он рассчитывает на нашу свободу и на нашу глину. Дело в том, чтобы больше смотреть на Него, а меньше на нашу неспособность. Близость с Богом, доверие к Нему: отсюда берут начало сила и легкость, необходимые для того, чтобы жить в этом мире как дети Божьи. «Один писатель сказал, что ангелы могут летать, потому что не относятся к себе слишком серьезно. И мы, возможно, могли бы летать немного больше, если бы не придавали себе такого большого значения»^[14].

[1] Cfr. J.M. Casciaro, «El Espíritu Santo en los evangelios sinópticos», en P. Rodríguez et al. (eds.), *El Espíritu Santo y la Iglesia*, Eunsa, Pamplona 1999, 65.

[2] Святой Хосемария, *Друзья Божию*, № 31.

[3] Там же.

[4] San Josemaría, *Apuntes íntimos*, n. 678, cit. en *Camino*, edición crítico-histórica.

[5] San Josemaría, *Carta* 13, n. 106.

[6] Монсеньор Ф. Окарис, Пастырское письмо, 9-1-2018, № 6.

[7] Монсеньор Ф. Окарис, Пастырское письмо, 9-1-2018, № 7.

[8] San Josemaría, *Carta* 2, n. 45.

[9] Святой Хосемария, *Путь*, № 420.

[10] Монсеньор Ф. Окарис,
Пастырское письмо, 9-1-2018, № 4.

[11] San Josemaría, *Carta* 24, п. 22.

[12] Папа Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, п. 1.

[13] Монсеньор Ф. Окарис,
Пастырское письмо, 9-1-2018, № 6.

[14] Папа Бенедикт XVI, Интервью в
Кастель Гандольфо, 5-VIII-2006.

Лукас Бух – Карлос Айксела

pdf | document generated
automatically from [https://opusdei.org/
ru/article/ochen-chelovechnye-ochen-
bozhestvennye-xviii-vnutrenniaia-
svoboda-ili-radost-byt-tem-kto-ty-est/](https://opusdei.org/ru/article/ochen-chelovechnye-ochen-bozhestvennye-xviii-vnutrenniaia-svoboda-ili-radost-byt-tem-kto-ty-est/)
(29.03.2026)